VI 1976

5 4 3

ТУ 19—32—73

8

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—035

Голубая чашка

По рассказу А. Гайдара

Художник Р. Столяров

2

Мне тогда было 32 года, Марусе 29, а дочери нашей Светлане шесть с половиной. Только в конце лета я получил отпуск, и на последний тёплый месяц мы сняли под Москвой дачу.

Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось...

Только на третий день к вечеру наконец-то всё было сделано. И как раз, когда собрались мы втроём идти гулять, пришёл к Марусе её товарищ – полярный лётчик.

Они долго сидели в саду, под вишнями. А когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и ложилась спать, а сама пошла проводить лётчика до вокзала.

6

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела. Ушли мы во двор, к сараю, и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

7

А потом через пыльный чердак полезли на крышу. Вот сидим мы верхом на крыше и думаем: подует ветер, закружится, зажужжит наша быстрая вертушка...

8

Вдруг Светлана говорит: „Посмотри-ка, папа, а ведь, кажется, это наша мама идёт, и как бы нам с тобой сейчас не попало“. – „Наклонись, – сказал я Светлане. – Может быть, она и не заметит“.

Но Маруся сразу же нас заметила. – „Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? Обрадовались, что меня дома нет, и готовы баловать хоть до полуночи!"

А утром – ещё новое дело! Только что мы проснулись, подходит Маруся и спрашивает: „Лучше сознавайтесь, озорной народ, что в чулане мою голубую чашку разбили!“

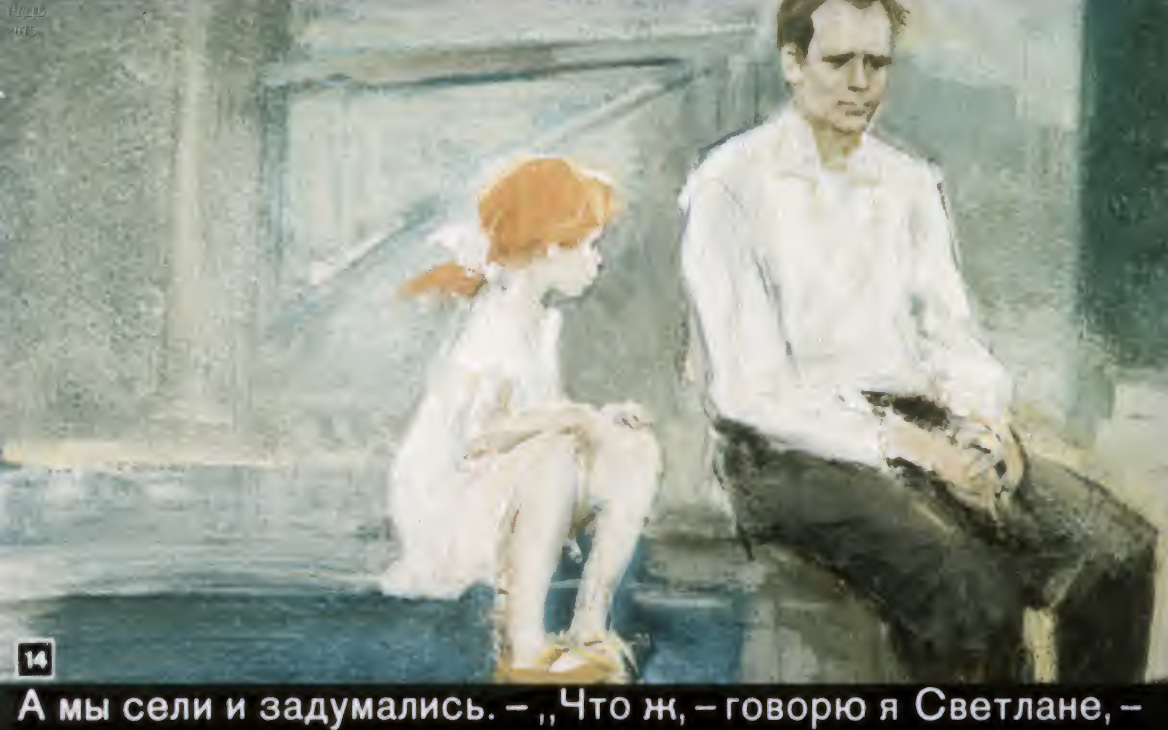
А я чашки не разбивал. И Светлана говорит, что не разбивала тоже.

Но Маруся нам не поверила. – „Чашки не живые, ног у них нет: на пол они прыгать не умеют. А, кроме вас двоих, в чулан никто вчера не лазил. Разбили и не сознаётесь. Стыдно, товарищи!"

После завтрака Маруся вдруг собралась и отправилась в город.

А мы сели и задумались. – „Что ж, – говорю я Светлане, – с крыши нас вчера с тобой согнали. За какую-то голубую чашку напрасно выругали. Разве это хорошая жизнь?!“ – „Конечно, – говорит Светлана, – жизнь совсем плохая!“

Надела Светлана своё розовое платье. Положили мы в походную сумку Светланино яблоко, мой табак, спички, нож, булку. И пошли куда глаза глядят. – „Прощай, Маруся! А чашки твоей мы всё равно не разбивали“.

Выбрались мы через огороды на жёлтую от куриной слепоты поляну, сняли сандалии и по тёплой тропинке пошли босиком через луг.

Шли мы долго, часто останавливались, отдыхали и рвали цветы. Потом, когда тащить надоедало, оставляли букеты на дороге.

Встретили мы на пути деревеньку, где живут те, что пашут землю, сеют в поле хлеб, сажают картошку, капусту, свёклу или в садах и огородах работают.

Встретили мы за деревней невысокие зелёные могилы, где лежат те, что своё уже отсеяли и отработали.

Увидали мы и попа в длинном чёрном халате. Посмотрели ему вслед и подивились тому, что остались ещё на свете чудаки.

– Папа, – сказала наконец уставшая Светлана, – давай с тобой где-нибудь сядем и что-нибудь поедим.

Нашли мы такую полянку, какая не каждому попадётся на свете. С шумом распахнулись перед нами пышные ветки орешника. Встала остриём к небу молодая серебристая ёлка. И тысячами, ярче, чем флаги в Первое мая,– синие, красные, голубые, лиловые!– окружали ёлку душистые цветы и стояли не шелохнувшись.

– „Садись, Светлана, стереги сумку, а я схожу и наберу в фляжку воды. Да не бойся: здесь живёт всего только один зверь – длинноухий заяц". – „Даже тысячи зайцев, я и то не боюсь! Но ты приходи поскорее всё-таки".

Вода оказалась не близко и, возвращаясь, я уже беспокоился о Светлане. Но она не испугалась и не плакала, а распевала песню. Молча и торжественно слушали эту песню цветы.

–Ко мне, барабанщица! – крикнул я. – Есть холодная вода, красные яблоки, белый хлеб и жёлтые пряники. За хорошую песню ничего не жалко!

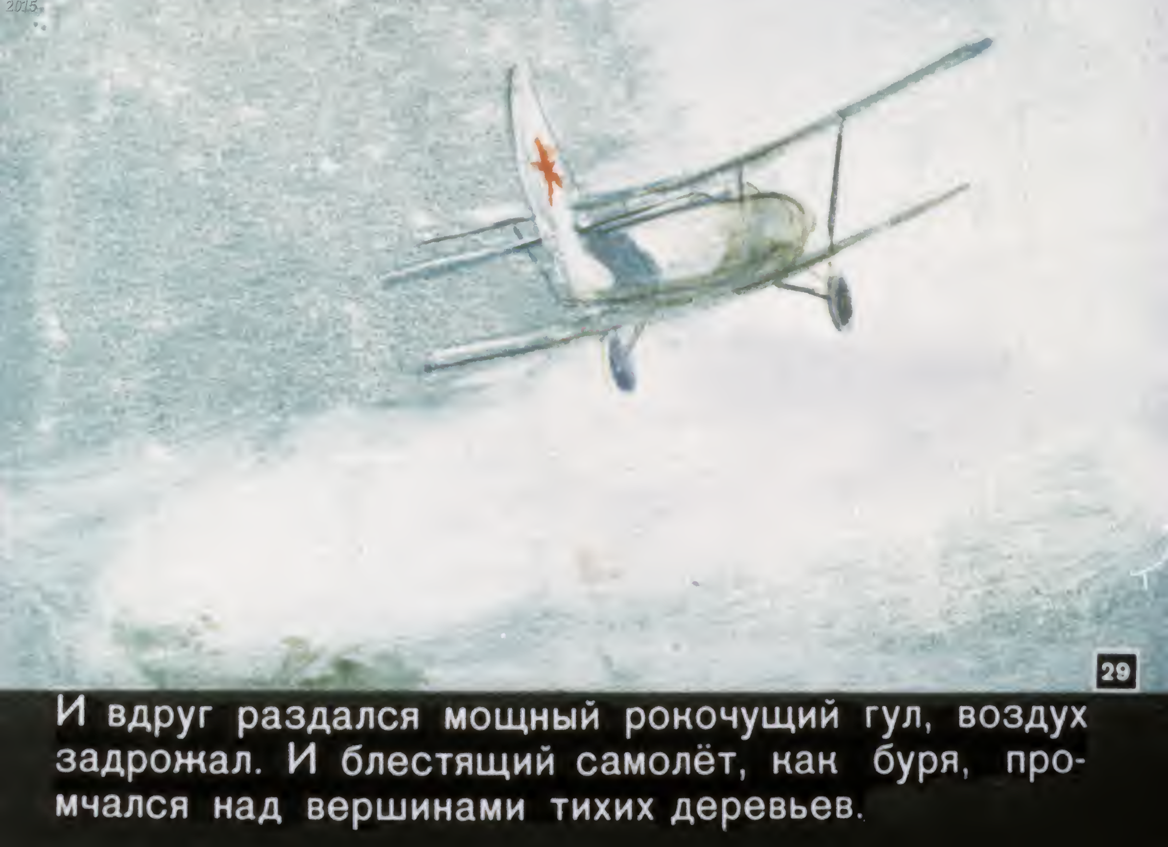
Поели мы. Вышли из рощи. И вот нам на счастье засверкала под горой прохладная голубая река.

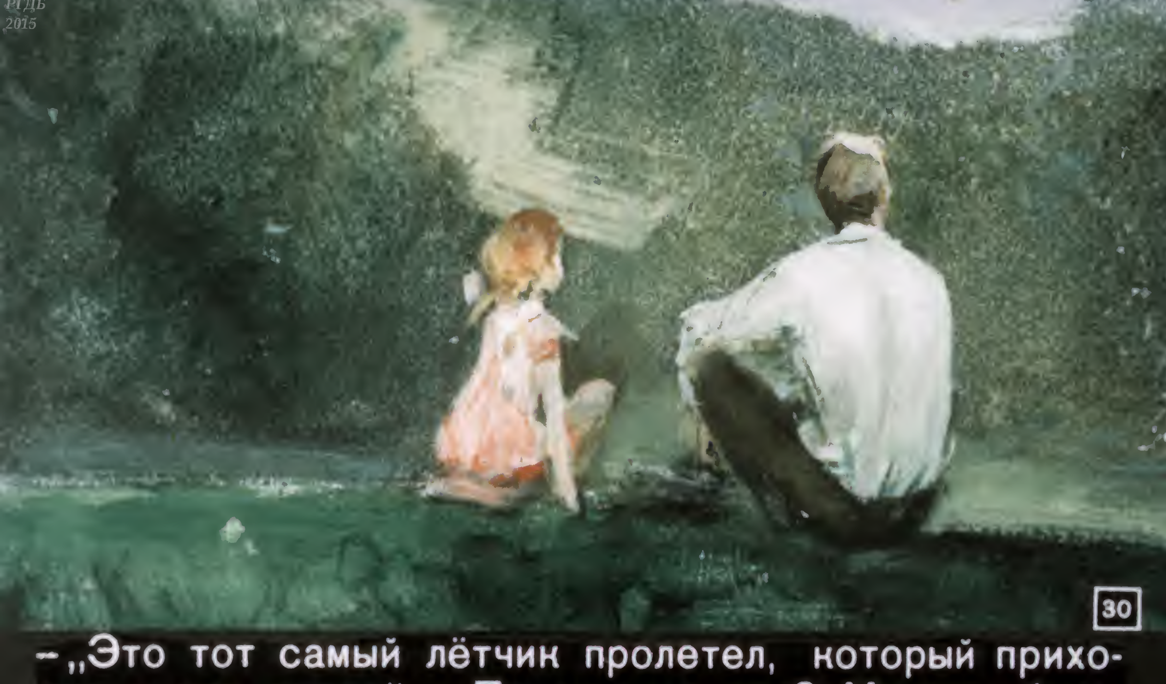
–Купаться! Купаться! Купаться! Все рыбы с ужасом умчались прочь, когда мы с хохотом взбивали сверкающие пенистые водопады.

А потом мы лежали молча. Мне показалось, что Светлана уснула. Я повернулся к ней и увидел, что она вовсе не спит, а, затаив дыхание, смотрит на серебристую бабочку.

И вдруг раздался мощный рокочущий гул, воздух задрожал. И блестящий самолёт, как буря, промчался над вершинами тихих деревьев.

–„Это тот самый лётчик пролетел, который приходил к нам вчера". – „Почему же тот? Может быть, это совсем другой". – „Нет, тот самый. Я сама вчера слышала, как он сказал маме, что он улетает завтра далеко и насовсем".

– „Папка, расскажи что-нибудь про маму. Ну, например, как всё было, когда меня ещё не было“. – „Ладно, расскажу, только ты слезь с меня на траву, а то мне рассказывать тяжело будет. Ну, слушай!..“

– Было тогда нашей Марусе семнадцать лет. Напали на их городок белые, схватили они Марусиного отца и посадили его в тюрьму. А матери у неё давно уж не было, и осталась наша Маруся совсем одна.

33

Накинула Маруся платок и выбежала на улицу. А на улице белые солдаты ведут в тюрьму рабочих и работниц. А буржуи, конечно, белым рады, и всюду в ихних домах горят огни, играет музыка. И некуда нашей Марусе пойти, и некому рассказать ей про своё горе.

Вышла тогда Маруся за город. Луна светила. Шумел ветер. И раскинулась перед Марусей широкая степь.

35

А того не знала глупая Маруся, что не ждёт никогда Красная Армия, чтобы её просили. А сама она мчится на помощь.

Ехал я тогда по степи с военным дозором. Вдруг мелькнула чья-то тень и сразу – за бугор. Ага, думаю, стой: белый разведчик! Дальше не уйдёшь никуда.

Ударил я коня шпорами. Выскочил за бугор. Гляжу – что за чудо!–нет белого разведчика, а стоит под луной какая-то девчонка. Лица не видно, и только волосы по ветру развеваются.

Соскочил я с коня, а наган на всякий случай в руке держу. Подошёл и спрашиваю: „Кто ты и зачем в полночь по степи бегаешь?“

А луна вышла бо-ольшая-большущая! Увидела девчонка на моей папахе красноармейскую звезду, обняла меня и заплакала. Вот тут-то мы с ней, с Марусей, и познакомились.

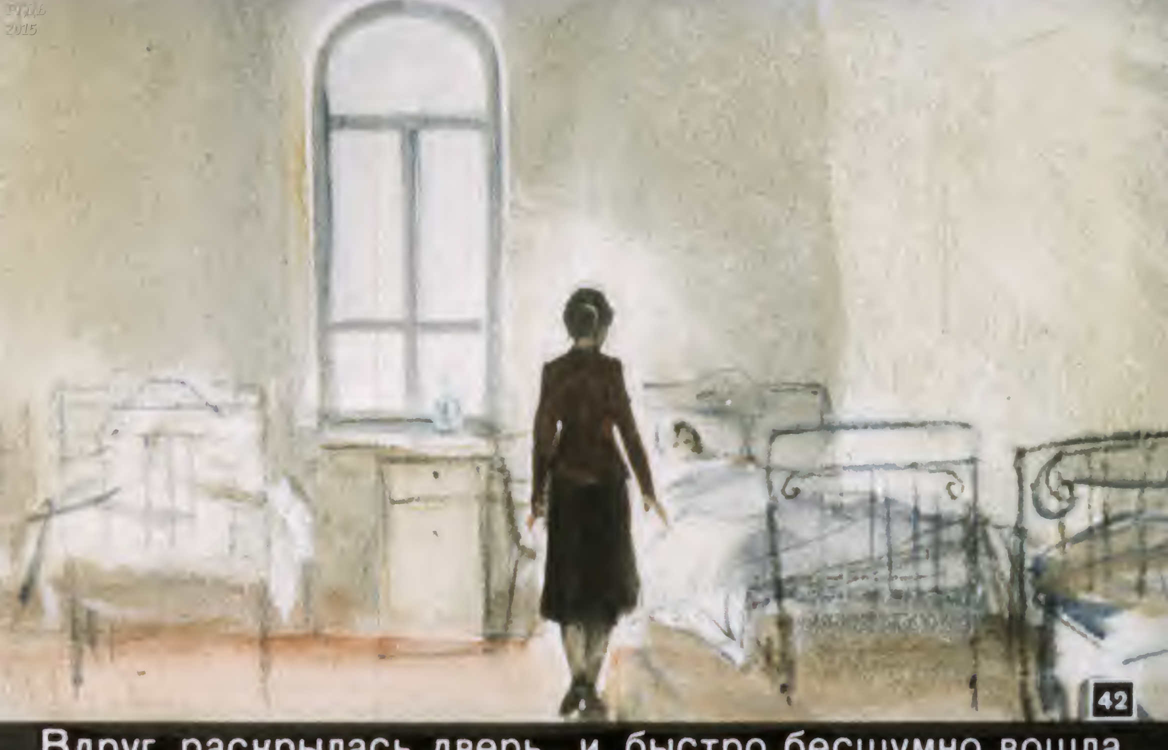

40

А под утро из города белых мы выбили. Тюрьмы раскрыли и рабочих выпустили.

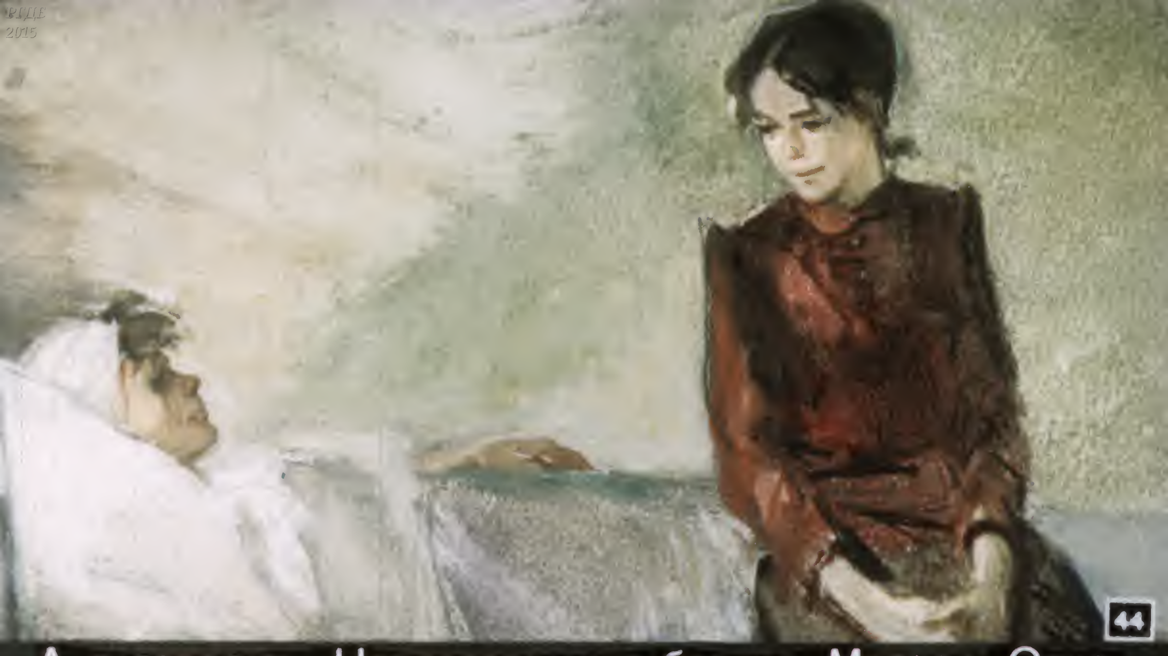
Лежу я в лазарете. Грудь у меня немного прострелена. И плечо болит: когда я с коня падал, о камень ударился. Вот и день прошёл. Здравствуй, вечер. И грудь болит, и плечо ноет. И на сердце скучно. Скучно, друг Светлана, одному быть, без товарищей!

Вдруг раскрылась дверь и быстро, бесшумно вошла на носках Маруся. И так я тогда обрадовался, что даже вскрикнул.

А Маруся подошла, села рядом и положила руку на мою совсем горячую голову. И говорит: „Я тебя весь день после боя искала. Больно тебе, милый, а?"

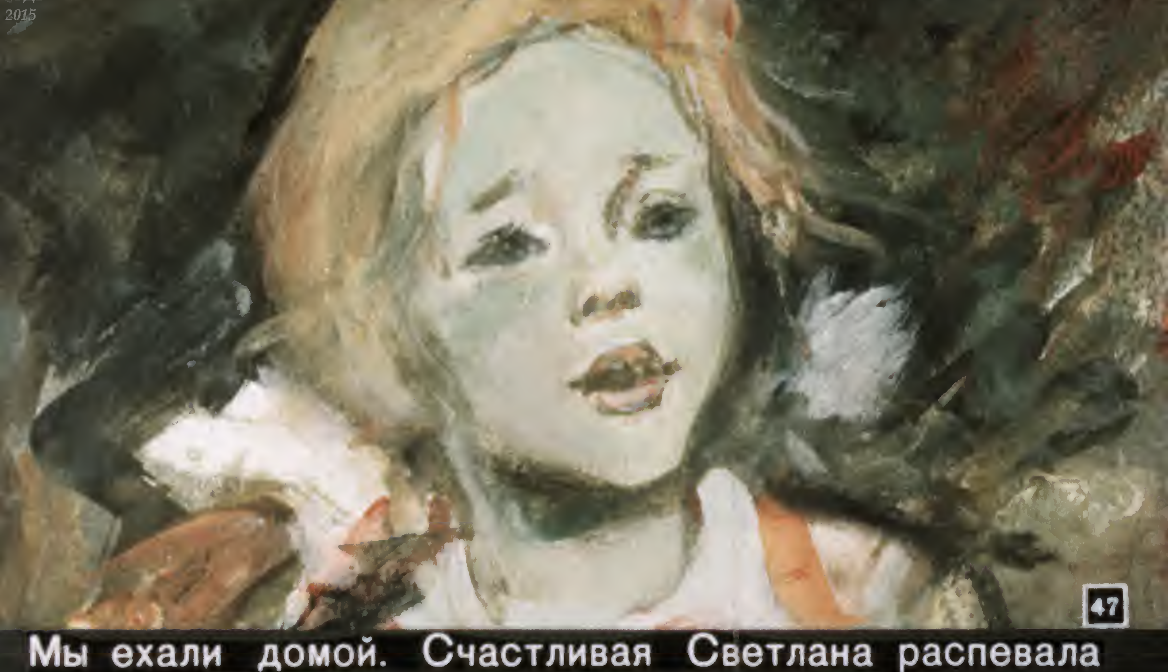
А я говорю: „Наплевать, что больно, Маруся. Отчего ты такая бледная?“ – „Ты спи, – ответила Маруся. – Я около тебя все дни буду“. – Вот тогда-то мы с Марусей во второй раз встретились и с тех пор уж всегда жили вместе.

– Папка! Это ведь мы не по правде ушли из дому? Ведь она нас любит. Мы только походим - походим, и опять придём.

Мы не разбивали голубой чашки. Это, может быть, сама Маруся что-нибудь разбила. Но мы её простили. Мало ли кто на кого понапрасну плохое подумает?

Мы ехали домой. Счастливая Светлана распевала песенку:

Чики-чики!
Ходят мыши.
Ходят с хвостами,
Очень злые.
Лезут всюду,
Лезут на полку.
Трах-тарарах!
И летит чашка.

А кто виноват?
Ну, никто не виноват,

Только мыши
Из чёрных дыр...

Возле мельницы мы спрыгнули с телеги. С волнением приближались мы к дому. Оставалось только завернуть за угол и подняться наверх.

Вдруг... мы растерянно переглянулись: над крышей нашего домика крутилась роскошная Светланина вертушка. – „Это мамка сама на крышу лазила!“ – взвизгнула Светлана и рванула меня вперёд.

Глаза Маруси были карие, и смотрели они ласково. Видно было, что ждала она нас долго, наконец-то дождалась и теперь крепко рада.

Нет, решил я, это всё только серые злые мыши. И мы не разбивали. И Маруся ничего не разбивала тоже.

А потом был вечер. И луна, и звёзды. Долго втроём сидели мы в саду. И Маруся нам рассказывала, где была, что делала и что видела.

Золотая луна сияла над нашим садом. Прогремел на север далёкий поезд. Прогудел и скрылся в тучах полуночный лётчик. А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!

КОНЕЦ

Сценарий Л. Забицкого
Редактор Г. Калашникова
Художественный редактор
А. Морозов

Студия „Диафильм", 1965 г.
Москва, Центр,
Старосадский пер., д. № 7
Д-283-65

Чёрно-белый 0-20. Цветной 0-30

